
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

СЛЁЗЫ ЛЮДСКИЕ, О СЛЁЗЫ ЛЮДСКИЕ... (Феноменология эмоциональных состояний)

Аннотация. В статье показано, что современная европейская культура в основном рассудочна. Так сложилось исторически, что уже в античной философии человек оценивался, прежде всего, как мыслящее существо. М. Вебер подчёркивал, что рациональность – это судьба европейской цивилизации. Именно здесь сложилась наука, появилась философия. Стремление европейских философов раскрыть всё богатство рассудочности, которая возвышает человека и обеспечивает ему благоденствие, породило подозрительное отношение к эмоциональной жизни человека. На протяжении многих веков человеческие страсти оценивались как пагуба, как помеха для всепроникающей работы ума. Это и привело к девальвации эмоциональной жизни в данной культуре.

Автор использует методологию философии культуры, которая демонстрирует разнообразие ментальных, ценностных навыков и стилей жизни. Исследование опирается также на базовые положения юнгианской типологии.

Впервые в отечественной литературе даётся психологическая экспертиза различных философских текстов. Автор полемизирует с М.Н. Эпштейном, написавшим книгу «От знания – к творчеству» и считающим, что чувство более сопряжено с целостной личностью. Высоко оценивая данное исследование в целом и поддерживая его направленность на реабилитацию эмоционального мира в философии и психологии, автор отмечает неправомочность выделения какой-либо одной из функций в юнгианской типологии в качестве универсальной. В юнгианской типологии все функции сами по себе равноценны. Однако в психологической структуре конкретного человека они подчиняются принципу иерархии.

Ключевые слова: философская антропология, психология, эмоции, слёзы, психика, рассудочность, рациональность, интуиция, мышление, чувствительность.

Abstract. In his article Gurevich shows that modern European culture is mostly rational. Historically, already in Ancient philosophy, human has been evaluated as a thinking being in the first place. Max Weber underlined that rationality is the destiny of Western civilization. It was the place where science and philosophy arose. The desire of European philosophers to uncover all aspects of reasoning that sublimates human and guarantees his well-being created suspicion towards the emotional side of human life. Throughout centuries human passions have been considered to be a great harm and impediment for the mind. That led to the devaluation of the role of emotional life in our culture. The author of the present article has used the methodology of the philosophy of culture that demonstrates the variety of mental skills and values and life styles. The research is also based on basic provisions of Jungian philosophy. For the first time in the academic literature the author conducts a psychological expertise of different philosophical texts. The author enters into polemics with Mikhail Epstein who has written the book 'From Knowing to Creating' and believes that integral personality is closely related to feelings. Giving a high appraisal of the research in general and supporting Epstein's orientation at rehabilitation of the role of emotions and feelings in philosophy and psychology, the author of the present article argues against considering one of the functions described in Jungian classification to be universal. According to the author, all functions are equal in Jungian classification, however, as elements of the psychological structure of an individual these functions are subject to the principle of hierarchy.

Key words: sensibility, cogitation, intuition, rationality, reasoning, psyche, tears, emotions, psychology, philosophical anthropology.

Надо ли плакать?

Странный вопрос. Обливаются слезами все. Всхлипывает обиженно на весь свет младенец. Безрас-

судно ревет брошенная невеста. Утопает в слезах неудачник, не надеясь на Божью помощь. Глокает слёзы мазохист, окропляя рану солью. Не стыдится своих слёз поэт, «лица не пряча, сердце не тая».

Слёзно мучается Гамлет, переживая насмешки недостойных над достойными. Зрители выходят из театра, потрясённые и растроганные увиденным. Роняет скупую мужскую слезу солдат, прощаясь с павшим другом. Обливаются слезами добросовестные плакальщицы. Стенают на погосте, расставаясь невозвратно с близким человеком. Глощают слёзы люди, измученные судьбой. Увлажняются глаза у политиков, озабоченных народной долей.

Это и отметил русский поэт Фёдор Тютчев:

*Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой...
Льётся безвестные, льётся незримые,
Неистощимые, неисчислимы, –
Льётся, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.*

Понятно, что слёзы отражают эмоциональный мир людей, их страхи, тревоги, разочарования, обиды. Но как следует относиться ко всей этой сырости? Может быть, это душевная слабость, выражение человеческой несостоятельности, отступление от стоической невозмутимости? А, может быть, напротив, драгоценный дар человека? Ведь что такое человеческая жизнь, если в ней нет мучений любви, очарования природой, душевного трепета, дружеской беззаветности? Или даже иначе: нет ненависти и злобы, опустошения и виновности, мстительности и проклятия. Как сказано у К. Симонова, готового взять в рай не только друга, но и врага, «чтоб в минуту скверную по земному с ним враждовать».

Но всегда ли слёзы органичны и выражают подлинные чувства индивида? А что такое органичность? Имеется в виду, что человек предъявляется такие эмоции, которые он проживает. А разве может быть иначе? Условности культуры таковы, что нам часто приходится изображать неподлинные эмоции. Вот идёт стайка по-разному некрасивых девочек. Они – подруги, у них общие интересы. Они приветливо щебечут, каждая с другой и со всеми. Но в душе они могут таить зависть, злобность, недоброежелательность. Однако внутренние слёзы не всегда заметны. Приходится изображать предельную дружбу.

Однажды со студентами мы обсуждали эту тему. Я спросил, всегда ли ребёнок плачет непритворно? Одна студентка даже оскорбилась: чадо плачет, значит это и есть искренность. Но любая мама знает, что дитё может использовать эмоции для манипуляции. На самом деле нет у ребёнка в этот момент ни обиды, ни страдания, ни боли. Он просто давно научился привлекать к себе внимание с помощью слёз и добиваться своих маленьких побед.

Бесслёзность

Спектр состояний, которые примыкают или противостоят слёзности, обширен. Вот что пишет М.Н. Эпштейн: «Так есть известный ряд слов, обозначающих суетную, бесполезную деятельность: “суесловие” – пустое, бессмысленное говорение, “суетыслие” и “суетумудрие” – пустое, неосновательное умствование, “суеверие” – пустая, неосновательная вера. Но этот ряд не закрыт, его можно дополнять новыми смысловыми элементами. Например, суетливость – склонность к сильным переживаниям по ничтожным поводам» [1, с. 108].

Есть и ещё одна особенность эмоциональной палитры – бесслёзность. Она может быть выражением душевной черствости, безэмоциональности. Но бесслёзность бывает опытом невероятных утрат, страданий. В народе говорят: «Нет уже и слёз». Анна Ахматова написала о народных тяготах: «Но в мире нет людей бесслёзней». Бесслёзность – это трата чувств, безэмоциональная горечь.

Ф. Тютчев так описывает это состояние:

*И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слёз!*

Лермонтовский Арбенин в муках ревности тоже открывает свою боль, которая может осушить слёзы:

*Тогда не ожидай прощенья –
Закона я на месть свою не призову,
Но сам, без слёз и сожаленья,
Две наших жизни разорву!*

Толкуя о постчеловеке, трансгуманисты наделают его мощным интеллектом, но по сути дела лишают эмоциональности. Они пытаются пленить нас образом киборга, который превзойдёт земного человека бездонным арсеналом информации. Нет слов, возможно такой кибернавт окажется сверхумным. Но вряд ли он ощутит в себе такие чувства и буквально выдохнет лермонтовские строчки:

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?*

Так что же дороже для человека: разум или душевные переживания? По первому впечатлению: и то, и другое. Вот и Пушкин, словно по данному

поводу, написал: «Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать». Да и каков будет человек, лишённый страсти? Или тот, кто не испытал рассудочного колебания?

*Кто меня жестокой властью,
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?*

Хоть оно и так, но в европейской культуре чувства всегда чтили меньше, чем разум. И на эту несправедливость обратил внимание в своё время К.-Г. Юнг, когда вынашивал идею уникальных способов, с помощью которых человек приспосабливается к реальности – мышление, эмоции, ощущение и интуиция. В животном мире мы наблюдаем материнскую любовь, сердечное томление, трогательную привязанность. Но разумность присуща только человеку. Этот дар и получил особое признание. Такая избирательность быстро окупилась. Наука стала благоустраивать человеческую жизнь, помогать извлекать пользу из природы. Поэтому учёные и философы принялись оттачивать мысль, чтобы отсечь всё, что мешает познанию и возвышению человека.

И тут помстилось, что «ясной как солнце» работе ума мешают чувства. Разумеется, это было ошибкой, однако вполне оправданной. Изучение интеллекта показало, что литургически стройной активности мысли вредят непрошенные, человеческие страсти. Начиная с Нового времени, мудрецы ведут яростную войну против эмоций, которые, по их мнению, рожают заблуждение, пороки, иллюзии. Человеческая природа и разумность вдруг оказываются синонимами. Тот, кто становится жертвой страсти, утрачивает рассудочность. Со времён Платона было известно, что эмоции в немалой степени уравнивают людей и животных. Вот почему античный философ, рисуя структуру человеческой психики, ставит эмоции в самое её подножье.

Конечно, засилье рассудочности осознавалось многими мыслителями. Не случайно незатейливая, но назидательно-чувствительная повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» не только завоевала сердца читателей, но и вызвала к жизни целое литературное направление – сентиментализм. Да ведь и Пушкин оценил слёзы как жизненную драгоценность. Он, собственно говоря, и перечислил слагаемые душевной жизни человека, которые рожают упоение: «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь».

Чувства «хорошие» и «плохие»

Амплитуда эмоциональных состояний человека огромна: от пафоса до медитативной отрешённости, от эмоционального потрясения до бесчувствия, от фанатизма до бесстрастия. Ницше считал, что деление на «хорошие» и «плохие» чувства исторически условно. Иначе говоря, оценка той или иной эмоции зависит от культурного контекста. В частности он отмечал, что утончённая жестокость может выступать в роли добродетели [1, с. 22].

На этой мысли Ницше настаивает постоянно. Чаще всего он апеллирует к античной культуре. Так, он полагает, что древние греки понимали зависть иначе, чем мы. «Гесиод пречисляет её к действиям доброй, благодетельной Эрис, и для них казалось предосудительным представлять своих богов завистливыми. И это вполне понятно для той эпохи, душой которой была борьба; а борьба пользовалась тогда высокой оценкой. Точно так же древние греки понимали надежду иначе, чем мы: она казалась им слепой и коварной. Гесиод говорит о ней в одной басне, и притом так странно, что его не понял ни один из новых толкователей, так как его рассказ находился в диаметральной противоречии с современным духом, который научился под влиянием христианства, видеть в надежде добродетель» [1, с. 26-27].

То, что античные боги не были лишены зависти, ещё не означает, что в античной культуре зависть имела некий поощрительный статус. Этот довод Ницше, на наш взгляд, несостоятелен. Античные греки, разумеется, постоянно сталкивались с фактами неискоренимой зависти. Но они старались противостоять ей. Об этом, в частности, свидетельствует принцип агональности, который можно считать важным принципом греческой культуры. Постоянные состязания поэтов-трагиков, музыкантов, аэдов и расподов вовсе не предполагали культ враждебности и разжигания страстей. Участник соревнований, свободный грек всегда чувствовал себя прежде всего гражданином полиса. Победитель не принижал соперника, а, напротив, помогал ему. Личные достижения олимпийца имели значимость только в том случае, если они отражали ценностные представления граждан. Даже если триумфатору сооружали статую, в ней акцентировались не индивидуальные черты, а общие заслуги.

Иначе, чем мы, по мнению Ф. Ницше, воспринимали иудеи, такое эмоциональное состояние, как гнев и называли его священным. «...мрачное величие гнева человека представлялось им стоящим на такой высоте, какую европеец не может

представить себе: своего гневного Иегову они создали по своим гневным пророкам» [1, с. 27].

В то же время Ницше склонен считать, что такого рода оценки не всегда точны, поскольку наши влечения зависят от моральных суждений. Если, скажем, в определённой культуре в силу нравственных повелений какое-то проявление эмоций осуждается, то, естественно, такое влечение окажется для многих негативным. «Одна и та же склонность развивается в томительное чувство трусости, – пишет он, – под впечатлением порицания, которым клеймят это чувство обычаи, или в приятное чувство смирения, как, например, христианские, называют его *хорошим*, т.е. всё дело зависит от того, чиста или не чиста бывает совесть.

Сама по себе интересующая нас склонность, как и всякая склонность, не имеет ни этого, ни вообще какого-нибудь морального характера или имени, ни даже определённого сопровождающего ощущения удовольствия или неудовольствия – всё это она приобретает только впоследствии как свою вторую природу, когда она вступает в соприкосновение со склонностями, которые окрестили уже именем хороших или дурных, или когда она является качеством существ, моральная оценка которых уже установлена народом» [1, с. 26].

К проблемам эмоциональной жизни людей в психологии ещё не проявлен должный интерес. Поэтому особую ценность приобретает сегодня тема «воспитания чувств».

Список литературы:

1. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
2. Веселовский А. Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. 688 с.
3. Кутырёв В.А. Время *mortido*. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
4. Ницше Ф. Утренняя звезда. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991. 305 с.
5. Ольшанский Д. Психоанализ и семиотика театра и кино. СПб.: Алетейя, 2016. 384 с.
6. Подорога В.А. Kairos, или критический момент. Актуальное произведение искусства на марше. М.: GRUNDRISSE, 2013. 180 с.
7. Юнг К.-Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. 736 с.

References (transliterated):

1. Epshtein M.N. Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 480 s.
2. Veselovskii A. Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike. M.: Avtokniga, 2010. 688 s.
3. Kutyrev V.A. Vremya *mortido*. SPb.: Aleteiya, 2012. 336 s.
4. Nitsche F. Utrennyaya zvezda. Mysli o moral'nykh predrassudkakh. Sverdlovsk: Volya, 1991. 305 s.
5. Ol'shanskii D. Psikhoolanaliz i semiotika teatra i kino. SPb.: Aleteiya, 2016. 384 s.
6. Podoroga V.A. Kairos, ili kriticheskii moment. Aktual'noe proizvedenie iskusstva na marshe. M.: GRUNDRISSE, 2013. 180 s.
7. Yung K.-G. Psikhologicheskie tipy. SPb.: Azbuka, 2001. 736 s.